

ПОВЕРЕННЫЙ ПРИРОДЫ

Евгений Ростиславович Эрастов родился в 1963 году. Окончил Горьковский государственный медицинский институт и Литературный институт им. А.М. Горького. Доктор медицинских наук. Автор семи поэтических и четырёх прозаических книг, более двухсот публикаций в периодике. Произведения переводились на английский, немецкий, испанский, македонский и болгарский языки. Лауреат премий Нижнего Новгорода (2008), Нижегородской области им. А.М. Горького (2014), имени Ольги Бешенковской (Германия, 2014), литературной премии имени Марины Цветаевой (Татарстан, Елабуга, 2014), победитель нескольких международных поэтических конкурсов. Член Союза писателей России. Живёт в Нижнем Новгороде.

Что, Эвтерпа, ты шепчешь мне
в ухо?

Погоди, я достану блокнот.
Вороха тополиного пуха
Буйный ветер по пляжу несёт.

Мы с тобою вдвоём неслучайно
В этот час на речном берегу.
Есть меж нами особая тайна,
Я её ото всех берегу.

Трав июньских размах
и невинность.
Ежевичный причудливый склон.
Не моя в этом, право,
провинность,
Что отметил меня Аполлон.

Не моя в этом, право, заслуга,
Что я пил из кастальской струи,
Что на ухо шептала подруга
Сладкозвучные строки свои.

Очаруй меня сорной половой,
И загробной коврижкой медовой,
И пахучей болотной травой.
На сиринге своей тростниковой
Просвисти над моей головой.

Сугробом мартовским обмякла
Бедняжка память...

Что скрывать!

Двенадцать подвигов Геракла —
И те я начал забывать.

А здесь, в музее бесподобном,
Где всюду мрамора куски,
В каком-то трепете уробном
Стоял у каменной доски.

Двенадцать маленьких
квадратов —
И в каждом страсть, надежда,
пыл.

Я был отличником когда-то
И мифологию любил.

Я, почитатель древней пыли,
В античной мраморной могиле
Стоял, молчание храня.
Мне ощущение говорили,
Что все квадраты — про меня.

О, сколько времени клепсидра
С тех пор отмерила! Боюсь
И сосчитать... С лернейской
гидрой
Я до сих пор ещё борюсь.

Она всё видит и всё слышит,
Стучит в ментовку на подруг,
Она огнём болотным дышит,
Она детей своих пропишет
В чужих квартирах, и каюк.

Не буря в чашке и в стакане,
А горе, слёзы и беда.
Поимку керинейской лани
Я не забуду никогда.

Круглы, вальяжны и здоровы,
Мычат на радость детворе

Чадолюбивые коровы
У Гериона на дворе.

Был путь коварным
и неблизким —
Дожди, распутица, туман.
Я видел даже Сан-Франциско!
Смотрел на Тихий океан.

От страха, боли пламеня,
Дошёл, по воле Эврисфея,
До самых западных границ.
...Но почему-то всех страшнее
Изгнание стимфалийских птиц.

О, я б отдал богатства Креза,
Чтоб никогда не видеть их!
Болят, болят мои порезы
От стимфалийского железа
Их перьев острых и сухих.

Я программу скачал в интернете.
Есть такая забава на свете —
Интереснее многих, мой свет.
Мне теперь предоставлены
в цвете
Фотографии прожитых лет.

Снова катятся детские санки
В первозданной моей тишине,
И ступенчатость зимней огранки
Чёрно-белой не кажется мне.

На карнизе стальная голубка
Стала сизой, и алой — закат.
Я узнал свою рыжую шубку
И коричневых пуговиц ряд.

Как давно это было, однако!
Синий дым над трубою дрожит,
И трехцветная эта собака
Рядом с санками бодро бежит.

Вдыхая жасминовый запах
Ещё доковидной поры.

За Волгой привычно вставала
Тревожная синяя мгла.
...Ах, если бы молодость знала!
Ах, если бы старость могла!

В десять лет пацифистом
я не был
И с девчонками дрался не раз.
Малокровное русское небо
Равнодушно смотрело на нас.

Мы скакали по крышам сараев,
Мы срывались и падали вниз.
Не похожие на самураев,
Мы с девчонками лихо дрались.

Как долги вечера после школы!
Как вопила на крыше герла!
И вздыхал алконавт дядя Коля,
Допивая портвейн из горла.

И взирали пырей и цикорий,
И ромашка, и болиголов,
Не спеша налагать мораторий
На кровавую битву полов.

Я с пластмассовой саблей
носился,
Я всю жизнь понимал как игру.
Всё прошло. Кто в Америку
смылся,
Кто в Израиль, кто сел на иглу.

В решете свою воду носили
И весь мир мы желали обнять.
Но под дурочку мы не косили.
...Ну, а то, что такое Россия,
Нам ещё предстояло понять.

Запах тёплых степей
волгоградских —
Половецких, сарматских степей,
Силуэты палаток рыбацких,
Белый донник, татарник, репей.

У коричневой старой запруды,
Словно свечки, грустят камыши.
Что ни отмель — то новое чудо,
Что ни берег — бальзам
для души.

Удивляться никак не устану
Низкорослым ветрам продувным.
Если правда, что прахом
я стану, —
Стать хотел бы я прахом
степным.

И тогда — маргинал,
беззаконник,
Потерявший и зренье, и слух, —
Буду с вами, татарник и донник,
Сизый клевер, пушистый лопух!

Там утки плавали, и вкрадчивый
камыш
Под ветром кланялся, и к осени
всё ниже,
Там рыла норку полевая мышь
И запах ивняка был явственней
и ближе.

И мир причудливый пред взором
возникал —
Песчинки, камешки, доверчивые
травы,
И сногшибательный лягушечий
вокал
Под вечер долетал до сумрачной
дубравы.

